

Попытка радости Сергея Юрского

Почему-то для русского человека "попытка" — это всегда неудача. Хорошо англичанам, у них "пытаться", "стараться" и "пробовать" — синонимы. "Попытка думать" — название прошлогоднего сборника статей и эссе Сергея Юрского; "Домашние радости" — название вышедшего в этом году сборника (блестящие и глубокомысленные театральные пародии, новогодние песенки давнего "капустнического" изобретателя). И хотя новую концертную программу, представленную пока только два раза — в Москве и Ярославле — ее автор назвал так же, как и последний сборник, она и по набору текстов, и по настрою соразмерна если не всей жизни, то многим ее этапам и проявлениям. В этой программе явственно присутствует попытка актера, режиссера, писателя радоваться — не цепляться за уходящее время, не догонять и не останавливать его, не ругать его, не обижаться на него, не оплевывать грязные улицы родных городов и не завидовать теплым тротуарам чужих столиц.

Концертная программа Юрского "Домашние радости" полна чувствами, подчас пугающе искренними, подчас пугающе же резкими.

Чувство времени — того, которое отпущено на общение со зрительным залом, пришедшим "на Юрского", и того, в котором живет и не живет. Того, которое не приемлет-ся со своими рыночными не ценами, но нравами; того, которое спето в домашнем невеселом куплете накануне 1991 года едва ли не роковым предвидением ("У нас не будет путча", — мурлычет в традиционном "эстрадном" духе Юрский с многоцветным колпаком на голове).

Чувство места: на сцене, кроме круглого столика с простодушной малиновой скатертью, — рояль для партнера-пианиста В. Свешникова, вешалка, на рожки которой надеты берет для танго, шляпа для "цыганочки", кепка для соседа с его женой-изменницей да радужный клоунский колпак. Это пустынное эстрадное место населено людьми реальными, будь то И. Бродский или С. Маркиш: привет каждому из них идет от Юрского в его пародийном отклике или прощальном, как оно теперь воспринимается, дорожном послании. Населено место и вымышленными людьми, причем не только теми, кто в нынешних собственных сочинениях Юрского представлен: это — масса лиц и "рож" (слово звучит с роскошными раскатами, весело и дружески), пассажиры питерского троллейбуса или жители банальных многоэтажек с их основным инстинктом питья, давний коллега "актер актерович", или ныне эстетствующий мизантроп-друг "Витюша", или клоунская пара покупателя и продавца вожделенной кожаной куртки в незабвенной Финляндии. Здесь как воспоминание живут и зощенковские косноязычные простолудины, и — в какой-то

момент — булгаковский Воланд, и распадающийся на глазах старик из "Стульев" Ионеско, даже брехтовский Дживола "отзвучивает" в совсем не танцевальном вальсе конца 1999 года, где вопреки вроде бы заданной элэгичности возникает нарек на марш, рычащими, а не просто рокочущими становятся "труба и лихой барабан".

Чувство ритма (не только стихотворного или музыкального, в песенках-стилизациях, но и ритма жизни). В разных книгах Юрского были разделы, названные "Ритмы" (молодости, чужбины и т.п.). В концерте живут ритмы сверхизвестных и каждый раз иронически обыгранных вальсов, кадрилей, маршей, куплетов. Живут ритмы неудобных для чтения с эстрады строк Бродского и, благодаря голосу Юрского, уже несколько десятилетий воспринимаемые как главные русские стихи, ритмы онегинской строфы.

Чувство стиля. Сегодня слово "стиль" девальвировано, стильными называют кроссовки и тусовки. Юрский возвращает смысл понятию стиля, держит стиль так, как балерина всю жизнь держит спину, ненавязчиво, но неукоснительно. В авторском концерте, где, кроме пушкинских эпиграфа и заключения, лишь однажды звучат специально ему посвященные стихи Нобелевского лауреата, нет особого любования каждым словом, но есть традиционное уважение к слову автора. Как было это уважение по отношению к пятидесяти другим читанным им в концертах прозаикам и поэтам; в качестве автора, предъявляемого публике, на этот раз выбран Юрский, и это не становится поводом ни для самолюбования, ни для самоуничтожения выдающегося мастера художественного слова (разве что-то может быть неточным в этой избитой формуле?) Юрского. Стиль Юрского в его концертной программе — классический, русский: корректная самоирония.

Чувство меры. Костюм актера в концерте эволюционирует от традиционного, с черным галстуком-бабочкой, до вполне домашнего, в виде вишневого пуловера поверх все же белой сорочки. Среди менявшихся головных уборов был, разумеется, цилиндр-шапокляк. Но домашних тапочек ни в прямом, ни в переносном смысле актер не надевает. Не заигрывает, не подыгрывает публике, держится в непосредственном общении строже, чем в опубликованных текстах, где позволяет себе баловаться и хулиганить.

Попытка — еще (или уже?) не радость. Но без постоянных, на пределе сил, попыток жить самим собой и самому по себе, играя на уютной нашей сцене solo для души, — уже источник радости.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА

Юрский — 2005 — 8 марта — с. 77